

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 124.5

doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-34-42

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК СРЕДСТВА ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

© *Джамиля Адалетовна Мальцева*

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия
m-milya@yandex.ru

Аннотация. Представлена философская рефлексия опыта формирования национального исторического сознания как средства легитимизации политической власти в имперский период развития отечественной государственности (XIX – начало XX вв.). Сделан вывод о том, что в этот период была осуществлена первая попытка выявления аксиологического ядра нации на основе данных исторической науки, формулирования, исходя из этого, ценностной матрицы национальных интересов, ее трансляции в массовое историческое сознание и легитимизации власти на этой основе. Однако религиозно-традиционалистская основа идеологии при экспликации духовной суверенности нации позволила выявить лишь конъюнктурно необходимые власти явления исторического бытия. Причина этого лежала в нежелании власти окультуривать «природные начала» народа, на основе их обоснования исторической наукой, а также адаптации их в соответствии с требованиями современности и обеспечения таким путем реализации национальных интересов как источника политической легитимности.

Ключевые слова: нация, историческое сознание, идеология, легитимность, модернизация, наука.

Для цитирования: Мальцева Д.А. Социально-философский анализ формирования национального исторического сознания как средства легитимизации политической власти в имперский период развития отечественной государственности // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 34-42. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-34-42

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Socio-philosophical analysis of the formation of national historical consciousness as a means of legitimizing political power during the imperial period of domestic statehood development

© *Dzhamilya A. Maltseva*

Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russian Federation
m-milya@yandex.ru

Abstract. The article presents a philosophical reflection of the experience of the formation of national historical consciousness as a means of legitimizing political power in the imperial period of the development of national statehood (XIX – early XX centuries). It is concluded that during this period the first attempt was made to identify the axiological core of the nation on the basis of historical science data, to formulate, based on this, a value matrix of national interests, its translation into the mass historical consciousness and legitimization of power on this basis. However, the religious-traditionalist basis of ideology, when explicating the spiritual sovereignty of a nation, made it possible to identify only the phenomena of historical existence that were opportunistically necessary for the authorities. The reason for this was the unwillingness of the authorities to cultivate the "natural principles" of the people, based on their justification by historical science, as well as adapting them in accordance with the requirements of modernity and thus ensuring the realization of national interests as a source of political legitimacy.

Key words: nation, historical consciousness, ideology, legitimacy, modernization, science.

For citation: Maltseva D.A. Socio-philosophical analysis of the formation of national historical consciousness as a means of legitimizing political power during the imperial period of domestic statehood development. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 113. No 6. P. 34-42. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-34-42

Введение

Проблема выявления социокультурных оснований генезиса современного национального исторического сознания в контексте уяснения как роли государства в его формировании, так и роли этого сознания в обеспечении легитимности отечественной государственной власти, представляется достаточно актуальной. Актуальность эта обусловлена теми угрозами политической стабильности и национальной безопасности, которые, во-первых, являются перманентными для российской истории, а во-вторых обостряются под воздействием глобализации, ведущей к кризису национальной идентичности и ослаблению традиционных институтов, в том числе политической власти.

Обсуждение

С нашей точки зрения в первую очередь следует обратить внимание на идеологическую доктрину, условно называемую «теорией официальной народности», которая стремилась опереться на прочный исторический фундамент с целью легитимизации политического строя, существовавшего тогда в России. Непосредственным поводом и конкретным побудителем к ее созданию стало как раз проявление кризиса легитимности – восстание декабристов. Для того чтобы обосновать легитимность власти надо было доказать сознанию модернизировавшей Россию «цивилизации» (термин В.О. Ключевского под которым мы понимаем социальные группы, на которых опиралась власть, проводя модернизацию России) несоответствие концепций дворянских революционеров и радикалов подлинным потребностям России. И доказать прежде всего основываясь на анализе российского прошлого, опираясь на данные исторической науки. Для этого необходимо было, разумеется, эксплицировать «природные начала» (экзистенциальную сущность) русского народа, проявившие себя в истории.

Таким образом, главным историческим основанием первой официальной идеологии России в контексте выдвижения постулата народности стала ориентация на осмысление российского прошлого сквозь призму исторической науки в форме самобытного развития Отечества. Такое осмысление самобытности на основе исторической науки предполагает появление такой науки, формирование массового (насколько это было возможно в рамках словесного строя) научного мировоззрения. Сама по себе наука была порождением Запада, являясь во многом носителем той «заразы» (т.е. революционных и либеральных идей) от которых, в интересах легитимизации власти, по ее мнению следовало избавляться. Этот парадокс объяснялся тем, что бороться с распространяемыми научным знанием враждебными идеями возможно было лишь на основе научного знания, ибо официальная идеология отнюдь не отрицала, а напротив, насаждала «современность» в форме Просвещения.

Как видим, «теория», также как и все иные, полярно противоположные по идейной ориентации, западные идеологические проекты, обращалась к истории, причем к истории именно в качестве науки, открывающей закономерности исторического процесса на основе которых должно быть сформировано национальное историческое сознание. По сути эта идея являлась весьма плодотворной, поскольку и сейчас аналитики проблемы утверждают, что «в целях консолидации российского социума, для обретения им той степени духовно-нравственного единства, которая обеспечила бы устойчивое развитие национально-государственного и цивилизационного сообщества, необходимо достижение унификации и целостности исторического сознания» [13, с. 120]. Поэтому исходя из изначальной, сугубо идеологической, направленности главным «функционалом» исторического обоснования народности стала легитимизация с ее помощью издавна существующего властного механизма России – то есть принципов самодержавия и православия.

По мнению С.С. Уварова (и его наиболее яркого последователя эпохи правления следующего российского правителя – М.Н. Каткова) эти два начала были, с одной стороны, необ-

ходимостью для России, с другой – воспринимались населением как несомненное благо. Легитимизирующий импульс этого положения «теории» покоился главным образом на утверждении, что такая трактовка народности позволяла обосновать национализм как право иметь и отстаивать свои национальные интересы. В этой связи необходимо отметить, что в отличие от Запада идея нации, формирование которой считалось основой необходимости сохранения существующей формы и образа правления, исторически оправдывалась (здесь приоритет принадлежал еще Н.М. Карамзину) тем, что русская нация «...в конкретном историческом контексте выступает против свободы личности...» [8, с. 18].

Тем самым утверждалась концепция коллективного, соборного характера нации при котором общественное имеет приоритет над индивидуальным или, точнее, имеет место неразделенность счастья и блага коллективного и индивидуального. Таким образом, в соответствии с принципом идеократии, государство в лице государя воплощает единую волю «русской национальности». Эту волю, унифицированную и рационально оформленную, необходимо внушить обществу, не считаясь с этническим и религиозным своеобразием его отдельных элементов. Через этот «общий знаменатель», системообразующим элементом в котором было самодержавие как предикат национальной исключительности и имперскости России, предполагалось С.С. Уваровым воспринимать «все исторические данные, которые стекаются в обширный состав империи» [18, с. 30]. Эти фундаментальные положения «теории», выдвигание на первый план национальной «самости», то есть народности, самодержавия и подчиненного его обоснованию православия, и обусловили своеобразие исторического обоснования официального легитимизирующего учения.

Мэтр исторической школы, обосновывающей идеологию, М.П. Погодин, как и его покровитель и единомышленник министр С.С. Уваров, не придавал большого значения понятию народности, полагая его прежде всего основанием первых двух императивов триады, обеспечивающих их бесконфликтное, то есть безальтернативное принятие. Таким образом, выявленный историком «дух народный», реализация которого представляла собой залог суверенности и достоинства нации, есть для него «естественное», открытое и постулируемое исторической наукой, основание самодержавия как единственного правомочного и авторитетного выразителя народности и православия в качестве нравственной основы самодержавия. Характерно то обстоятельство, что программы школьного курса отечественной истории должны были формировать в имперской России у подрастающего поколения «любовь к Родине, преданность Престолу и Отечеству», трактуя, таким образом, Родину в качестве обоснования самодержавия и не упоминая даже православие.

Именно поэтому для всех «официальных» историков дореволюционной России, придерживающихся господствующей идеологической доктрины, были характерны общие взгляды на зарождение монархии в России и ее взаимоотношение с церковью и сословиями, обуславливающие их легитимизирующую интенцию:

Во-первых, они смешивали понятие самодержавия и единодержавия, полагая, что собственно российская монархия с самого начала имела абсолютный характер, формируя «представления об эпохе Ивана III, как эпохе установления самодержавной формы правления» [15, с. 258].

Во-вторых, оценивали это как исключительно благодетельное начало, в силу которого представители боярско-княжеской аристократии были «равноудалены» от власти, демонстрируя «надсословный» характер монархии.

В-третьих, акцентировали божественную сущность монарха в глазах населения, религиозный авторитет, сакральность монархической власти в момент ее зарождения.

В-четвертых, полагали, что достижение автокефалии и специфический характер православия обусловили независимость монархической власти от церковной, а точнее преобладание над ней.

В-пятых, вследствие этого, ими постулировалась «национализация православия», которая сыграла важнейшую «идеологическую роль» в обосновании безграничной власти монарха сакральной идеей, то есть в идеократии.

И.Н. Хлебников считал Ивана III «выразителем интересов всего русского общества» [16, с. 2], преемником неограниченной власти хана Орды и человеком, отстранившим от власти церковь и аристократию. Д.И. Иловайский утверждал, что первый российский монарх являлся в глазах подданных «выразителем воли божьей» [6, с. 68]. Н.Ф. Каптерев писал о «национализации» при нем православия как об установлении тесной связи между православной доктриной и самодержавием, принявшим в силу этого неограниченный характер [7, с. 11]. М.К. Любавский полагал, что общество с момента появления собственно российского государства утратило влияние на управление страной в силу того, что «утеряв политическое значение, не смогло противостоять неограниченной власти государя» [9, с. 21].

На деле же термин «самодержец» в качестве неограниченного властителя не признавался ни религиозными идеологами того времени, ни самой властно-политической элитой. Уже историк начала двадцатого столетия С.А. Князьков пришел к заключению, что в XII–XVII вв. «термин самодержавие означал только внешнюю независимость государства, т.е. его суверенитет» [5, с. 102]. Он, по его мнению, определял лишь то, что «...государи и весь народ хотели обозначить им внешнюю независимость своего государства», а «...в понятие самодержавия не входило представление о фактическом единодержавии» [5, с. 102]. Характерно, что осознание этого пришло вместе с необходимостью выяснения семантики происхождения термина «самодержец» в связи с ограничением власти императора в период первой русской революции, когда в Основные Законы империи понадобилось ввести новую трактовку этой юридической категории.

В связи с этим, обратившись к философской рефлексии глубинных оснований «теории», коренным причинам, сущностным аспектам выявления этих особенностей народности, мы неизбежно должны проанализировать отношение ее творцов и адептов к исторической науке и основанному на ней историческому образованию в качестве основного метода формирования исторического сознания нации, способного легитимизировать существующий в России политический порядок. И здесь необходимо сказать следующее.

Можно констатировать, что сугубо рациональное отношение к науке вообще и к объективному историческому научному знанию в особенности сыграло с «теорией» злую шутку, не позволило ее творцам шире взглянуть на российскую историю и с большей высоты обозреть ее просторы, формируя на этой основе историческое сознание. Показателен в этой связи анализ отличия между историческими взглядами сторонников «теории» и исторической концепцией современных ей славянофилов. Для славянофилов народность, также как и для С.С. Уварова и его сторонников, выступала предметом познания, отраженном в массовом национальном сознании. Однако славянофилы понимали под ней чисто иррациональную основу «народной личности» [17, с. 141], определявшую ее своеобразие, «выразившуюся внешним образом в истории» [1, с. 361]. С их точки зрения эта «личность» может и должна проявляться в науке, в том числе исторической. Однако, по их мнению, и сама наука для этого, в соответствии с концепцией соборности, предполагавшей невозможность постижения истины любой, в том числе и научной, элитой в отрыве от масс, должна стать национальной, восприняв некоторые иррациональные предикаты массового сознания. Славянофилы поэтому, в отличие от министра и его сторонников, отстаивали тезис о «народности науки», то есть, иными словами, о некоторых предпосылках, предпозициях научного исторического сознания [3, с. 60]. Причем освоение наук, имея в виду прежде всего науки социально-гуманитарные, и, в первую очередь, исторические, посредством «народного духа», трактовалось как вклад в общечеловеческую культуру, а не как противопоставление ей.

Отрицание же необходимости познания научными методами того нерационального «рамочного исторического нарратива» как «...общей парадигмы восприятия, осмысления и оценки исторических событий и формируемых ими исторических закономерностей, исходя, разумеется, из субъективной оценки прошлого предыдущими поколениями носителей российской цивилизационной идентичности» [10, с. 60], то есть, иными словами, того символического, культурного кода, который сложился в процессе национального ис-

торического развития и который определяет трактовку истории и современности нации, творцами официальной идеологии, вело к недооценке роли «естественных», природных национальных начал. А это, в свою очередь, приводило к нежеланию их исследовать, выявлять, оформлять, окультуривать, используя рациональную историческую науку как основание априорно, внешне, инструменталистски, социально-конструктивно установленных атрибутов самодержавия и православия.

Причиной тому стало нежелание власти и поддерживающего ее направления исторической мысли видеть в истории более глубинные пласты, заглянуть в сущность оценки исторических событий массовым сознанием на основе сформированных историей ценностей. Основатели «теории» видели в истории лишь то, что они хотели видеть – оправдание современной формы правления. Однако во многом это превращало это оправдание в конъюнктурное, привязанное лишь к современной исторической конкретике самооправдание. Показательно, что современные попытки вычленения исторически устойчивых черт населения России коррелируют с триадой [4, с. 6; 12, с. 181–182]. Однако они представляют собой более глубинное, сущностное их исследование и, как следствие, более адекватную бытию нации во времени трактовку.

Таким образом, ахиллесова пята доктрины С.С. Уварова состояла в ее исторической поверхностности. В своей программной Записке министр предполагал найти начала, которые составляли бы историческую необходимость российского национального бытия. Начала эти он и его адепты-историки совершенно справедливо искали в прошлом, но находили в нем только то, что искали – самодержавие и православие. Абсолютно справедливым выглядит тезис Уварова о необходимости «...принорования... всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу...» [14, с. 361]. Однако этот народный дух не был уяснен как сущность. Он был усвоен лишь как явление. Поэтому народность сводилась к обоснованию первых двух «устоев», которые были не настолько сущностны, чтобы определять культурный каркас российской цивилизации. Именно самодержавие, в силу того, что оно являлась категорией, вытекающей из исторического бытия России (сильные враги, протяженные, открытые границы, этно-конфессиональная, культурная, религиозная и т.п. разнородность населения), составляло, по мнению Уварова, основание суверенного бытия государства и нации, оправдываемое православием. Не преодолели эту поверхностность и последующие продолжатели созидания философско-исторического каркаса «теории».

Надо сказать, что и современные ее поклонники и сторонники усматривают необходимость «теории» именно как «хранительной силы», гаранта от торжества «антихриста», антихристианского начала, на основании определенных истинно-христианских, то есть православных предикатов [11, с. 52]. Надо сказать, что и современные ее поклонники и сторонники усматривают необходимость «теории» именно как «охранительной силы», гаранта от торжества «антихриста», антихристианского начала, на основании определенных истинно-христианских, то есть православных предикатов [11, с. 52]. Они не принимают, таким образом, светской, рациональной интенции модернизации, выражать которую, по определению, должна идеология и ее историческое обоснование. Подтверждение этого дано еще в трудах М.Н. Погодина, который сам полагал, что православие нединамично, статично по своей сути, нацелено внутрь человека, на его моральное совершенствование, а не вовне, на борьбу с «иным» и на изменение как на безусловное благо. Это в корне противоречит задачам идеологии (в том числе ее легитимизирующей составляющей) и ее исторического обоснования. Идеология должна обслуживать национальные интересы, динамичные по своей сути и нацеленные, также по своей сути, на конкурентное противоборство с «иным» (исходя из определения К. Шмитта собственно политического как противостояния «другому»). Недаром, по мнению современного исследователя идеологии Ю.А. Шестакова, целью национальной идеологии «является адаптация цивилизационных аксиологических констант к интересам разнообразных социальных групп» [19, с. 74]. Это привело, постепенно, к тому, что в новых, постниколаевских, исторических условиях доктрина, сохранившая

свои основные положения, превратилась из консервативной в прямо реакционную, то есть прекратив провозглашать обновление во имя сохранения и приняв за постулат необходимость бытия старого в неизменном виде.

Главный источник возможной делигитимации режима усматривался властью во влиянии либеральной идеологии, считавшейся исключительным порождением Запада. В связи с этим историческая доктрина «теории» была направлена на обоснование формирования нации как важнейшего блага современности именно и исключительно на основе антилиберальных ценностей, и прежде всего самодержавия. Именно в этом идеология усматривала своеобразие, самость России. Однако таким образом на место народности как проявления в истории народного духа, духовного своеобразия нации, обуславливающего особенность восприятия своей истории и основанной на этом восприятии оценку современности и будущего как исторического обоснования автономности и самобытности России, ставились самодержавие и православие, а точнее лишь самодержавие. Все исторические события, процессы, явления, не вписывавшиеся в прокрустово ложе этого постулата отвергались.

Доктрина именно поэтому не учитывала и исторические особенности развития нерусских этносов. Вместо того, чтобы ассимилировать их прошлое в общую ткань российской истории, предлагалась доктрина русификации на основе постулирования исторической константности самодержавия и православия. Кроме того, историческое образование, фактически, на протяжении всего имперского периода развития России, носило элитарный характер. Даже основанные в правление Александра III, на закате существования империи, с целью массового (в перспективе – всеобщего) народного просвещения, начальные церковно-приходские одноклассные училища не предполагали изучения истории отечества, ограничиваясь беглым и наглядным изучением «священной истории» [2, с. 100], стремительно терявшей популярность и релевантность в новой, индустриальной, социально-культурной среде формирования личности россиянина. Власть не желала окультуривать историческое сознание масс, формируя его на основе исторической науки, без чего адаптация его ментальных констант к требованиям современности и легитимизация на этой основе власти не представлялись возможными.

Выводы

Таким образом, исторические основания светской идеологии самодержавия XIX – начала XX вв. и их роль в легитимизации власти в России заключались в следующем.

Во-первых, в поиске и репрезентации в рамках исторического знания проявлений ценностно-духовного своеобразия России и унификации, консолидации русской нации на этой основе, прежде всего через институты исторического образования:

Во-вторых, в познании национальных аксиологических особенностей на рациональной и универсалистской основе исторической науки.

В-третьих, непосредственно в легитимизации, на основе истории как науки и исторического образования, основ властного механизма России – то есть принципов самодержавия и православия как воплощения, оформления и гаранта реализации основополагающих потребностей нации.

Таким образом, эта была первая попытка выявления аксиологического ядра нации на основе данных исторической науки, формулирования, исходя из этого, ценностной матрицы национальных интересов, ее трансляции в массовое историческое сознание средствами массового образования, массовой коммуникации, массового искусства и легитимизации власти на этой основе. Однако отсутствие целенаправленного поиска официальной исторической мысли в направлении объективизации атрибутов духовной самобытности делало экспликацию духовной суверенности нации в достаточной мере поверхностной, выявляющей лишь конъюнктурно необходимые власти, внешние, не сущностные «ноумены», явления исторического бытия России.

В итоге феномены самодержавия и православия обрели идеологический статус аксиологических атрибутов, культурных констант России, приморбидных признаков нации,

оправдывая существование власти в форме самодержавно-православной монархии и обеспечивая, тем самым, ее легитимность. В действительности же они, будучи в значительной степени искусственно сконструированными, инструментальными, не являлись таковыми. Причина этого несоответствия лежала в нежелании власти окультуривать «природные начала» народа, на основе их выявления, обоснования, систематизации исторической наукой, познания ею глубинных основ национального самосознания, а также адаптации их в соответствии с требованиями современности, и обеспечения таким путем экспликации и реализации подлинных национальных интересов как наиболее важных и значимых источников политической легитимности.

Список источников

1. Аксаков И.С. Что значит: выйти нашему правительству на исторический народный путь? // Отчего так нелегко живется в России? / Сост., вступ. ст. В.Н. Грекова; подгот. текста, примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2002. С. 358–368.
2. Аксенова Л.Н. Изучение истории в церковноприходских школах российской империи в конце XIX в. // Материалы научно-практических конференций, прошедших в 2014–2015 гг. 2016. С. 99–106.
3. Бадалян Д.А. Официальная народность или народность: С.С. Уваров и А.С. Хомяков // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 51–66.
4. Добренков В.И. Консерватизм – национальная идеология России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 3–55.
5. Золотухина Н.М. Образ формы правления в русской политико-правовой мысли (особенности терминологии) // Юридический форум. Межвузовский сборник научных трудов. 2014. С. 95–104.
6. Иловайский Д.И. История России. Т. 3. Московско-царский период. Первая половина XVI века. М.: Типография Грачева и К°, 1890. 717 с.
7. Каптерев Н.Ф. Характер отношения России к православному Востоку в XVI–XVII веках. Сергиев Посад: Изд. кн. магазина М.С. Елова, 1914. 567 с.
8. Лубков А.В. Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 2. С. 16–23.
9. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М.: Тов-во скоропеч. А.А. Левинсон, 1915. 306 с.
10. Мальцева Д.А. Социально-философский анализ политики памяти в контексте обеспечения национальной безопасности России // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2025. № 1. С. 83–89.
11. Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Формула имперского триединства // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 47–60.
12. Петров А.В. Православие, одиночество, самодержавие (к вопросу об исторических основаниях русской политической культуры) // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 178–185.
13. Руденко А.М., Шестаков Ю.А. Целостность исторического сознания как фактор формирования культуры национальной безопасности // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 116–121.
14. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / Сост. А.А. Ширинянц и др.; под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 880 с.
15. Самарина О.И. Идея самодержавной власти в работах русских историков // Университетская наука. 2023. № 1 (15). С. 256–262.

16. *Хлебников И.Н.* О влиянии на организацию государства в царский период русской истории. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869. 384 с.
17. *Хомяков А.С.* О возможности русской художественной школы // О старом и новом: Статьи и очерки / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 135–159.
18. *Цимбаев Н.И.* «Под бременем познания и сомнения...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи (Мемуары современников). М., 1989.
19. *Шестаков Ю.А.* Философские основания национальной идеологии как культурного феномена // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109. № 2. С. 68–76.

References

1. *Aksakov I.S.* What does it mean for our government to embark on a historical national path? // Why is life so difficult in Russia? / Comp., intro. V.N. Grekova; prepared by text, translated by V.N. Grekova, N.A. Smirnova. M.: ROSSPEN, 2002. P. 358-368.
2. *Aksenova L.N.* The study of history in parish schools of the Russian Empire at the end of the 19th century // Materials of scientific and practical conferences held in 2014-2015. 2016. P. 99-106.
3. *Badalyan D.A.* Official nationality or nationality: S.S. Uvarov and A.S. Khomyakov // Notebooks on conservatism. 2018. No. 1. P. 51-66.
4. *Dobrenkov V.I.* Conservatism – the national ideology of Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2011. No. 2. P. 3-55.
5. *Zolotukhina N.M.* The image of the form of government in Russian political and legal thought (peculiarities of terminology) // Legal Forum. Interuniversity collection of scientific papers. 2014. P. 95-104.
6. *Ilovaisky D.I.* The History of Russia. Vol. 3. The Muscovite-Tsarist period. The first half of the XVI century. M.: Printing house of Grachev and Co., 1890. 717 p.
7. *Kapterev N.F.* The nature of Russia's attitude to the Orthodox East in the XVI–XVII centuries. Sergiev Posad: Publishing house of M.S. Yelov's bookstore, 1914. 567 p.
8. *Lubkov A.V.* The conservative-liberal tradition in Russia: the evolution of ideas and content. Karamzin – Chaadaev – Katkov // Bulletin of Humanitarian Education. 2018. No. 2. P. 16-23.
9. *Lyubavsky M.K.* Lectures on ancient Russian history until the end of the XVI century. M.: Comrade skoropech. A.A. Levinson, 1915. 306 p.
10. *Maltseva D.A.* Socio-philosophical analysis of memory policy in the context of ensuring national security of Russia // Economic and Humanitarian studies of the region. 2025. No. 1. P. 83-89.
11. *Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A.* The formula of the Imperial Trinity // Notebooks on conservatism. 2017. No. 3. P. 47-60.
12. *Petrov A.V.* Orthodoxy, Unity, autocracy (on the historical foundations of Russian political culture) // Christian reading. 2017. No. 6. P. 178-185.
13. *Rudenko A.M., Shestakov Yu.A.* The integrity of historical consciousness as a factor in the formation of a culture of national security // Bulletin of the Armavir State Pedagogical University. 2021. No. 1. P. 116-121.
14. Russian socio-political thought. The first half of the 19th century. Anthology / Comp. A.A. Shirinyants et al.; edited by A.A. Shirinyants. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 2011. 880 p.
15. *Samarina O.I.* The idea of autocratic power in the works of Russian historians // University Science. 2023. No. 1 (15). P. 256-262.
16. *Khlebnikov I.N.* On the influence on the organization of the state in the tsarist period of Russian history. St. Petersburg: A.M. Kotomin Publishing House, 1869. 384 p.

17. *Khomyakov A.S.* About the possibility of a Russian art school // About the old and the new: Articles and essays / Comp., intro. and commentary by B.F. Egorova. M.: Sovremennik, 1988. P. 135-159.
18. *Tsimbaev N.I.* "Under the burden of knowledge and doubt ..." (Ideological searches of the 1830s) // Russian Society 30-the X years of the XIX century. People and Ideas (Memoirs of Contemporaries), M., 1989.
19. *Shestakov Yu.A.* Philosophical foundations of national ideology as a cultural phenomenon // Humanities and social Sciences. 2025. Vol. 109. No. 2. P. 68-76.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 08.10.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 08.10.2025.